
Аршин К. В. Национализм как мировой феномен : рецензия на книгу Эрика Шторма о привычности национализма // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2026. — Т. 10, № 2. — С. 345–356.

Константин Аршин*

НАЦИОНАЛИЗМ КАК МИРОВОЙ ФЕНОМЕН**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЭРИКА ШТОРМА
О ПРИВЫЧНОСТИ НАЦИОНАЛИЗМА

Storm M. NATIONALISM : A WORLD HISTORY. — PRINCETON : PRINCETON UNIVERSITY PRESS, 2024.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-2-345-356.

Национализм как социальное явление давно приобрел глобальный статус. Его проявления фиксируются в каждом из регионов мира и затрагивают различные сферы общественной жизни: политику, культуру, философию, образование, межгрупповые контакты и процессы формирования коллективной идентичности. Национализм фиксируется в том, как дети отдают честь национальному флагу на утренних линейках, как футболисты поют гимн своей страны перед матчем, как политики защищают государственные интересы на международной арене, а историки, философы и социологи исследуют изменения в общественных отношениях.

Удивительно, но эти проявления национализма современным человеком не рассматриваются в качестве таковых. Национализм превратился в нечто знакомое, настолько привычное, что без него мы не можем себе представить окружающий нас социальный мир. Американский социолог Майкл Биллинг назвал этот процесс «банализацией» национализма (Billing, 1995); под этим он понимал проникновение национализма во все общественные институты с их последующей трансформацией в сторону повседневного, зачастую незаметного воспроизводства идентичности.

В таком контексте нация предстает не только как объект официальной идеологии или политической мобилизации, но и как привычная рамка восприятия социальной реальности, закрепляемая через язык,

* Аршин Константин Валерьевич, к. филос. н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), kosta-10@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3172-5763.

** © Аршин, К. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

символы, образовательные практики, медиа и ритуалы рутинной жизни. Биллинг подчеркивал, что национализм в современных обществах не обязательно проявляется в радикальных или демонстративных формах; напротив, он часто действует через «флажки» обыденности — устойчивые знаки и речевые конструкции, которые напоминают индивидам об их принадлежности к нации.

Таким образом, национализм для современных сообществ превратился из «оружия», которое использовалось для утверждения сообщества на мировой арене в борьбе с такими же сообществами, в нечто мягкое и знакомое, что можно сравнить с «подушкой», к которой обращаются уже не столько ради мобилизации, сколько ради ощущения устойчивости, преемственности и символического уюта.

Но как национализм приобрел этот статус? На данный вопрос пытается ответить Эрик Шторм в своей книге «Национализм: мировая история» (Storm, 2024). На создание книги его подвигло отсутствие посвященных феномену национализма работ, которые бы удовлетворяли его с фактологической и методологической точек зрения. Так, он пишет, что одной из основных причин появления книги стала неудовлетворенность текущей ситуацией в исследованиях национализма, а именно отсутствие значимых работ, в которых бы был реализован подход к национализму как глобальному феномену. Единственной такой работой был труд израильского социолога Азара Гата (Gat, 2013). Однако его работа, по мнению Шторма, не свободна от недостатков. Во-первых,

как политолог, Гат мало понимает глубокие исторические изменения, произошедшие за тысячи лет, которые он исследует в своей книге. Кроме того, как эксперт по военному делу, он фокусируется в основном на проявлениях национализма в исключительных, насильственных обстоятельствах (Storm, 2024: 12).

Что касается появившихся в 1980–1990-х гг. работ, посвященных национализму, то, с точки зрения Шторма, они страдают от следующих недостатков:

- (1) в качестве отправной точки они в основном берут этнотипичные нации;
- (2) чрезмерно фокусируются на деятельности националистических активистов;
- (3) в основном интерпретируют национализм как феномен, который транслировался Западом на «остальной мир»;
- (4) они рассматривают смену империй национальными государствами как в значительной степени неизбежный исторический процесс;

(5) как правило, страдают от различных форм методологического национализма (Storm, 2024: 18).

Следует отметить, что Шторм несколько лукавит. В одном только 2024 году появились книги, в которых тема национализма освещается из перспективы, которая вызывает интерес Шторма (Everyday Nationalism..., 2024; Nationalism and Ethnosymbolism..., 2024; The Routledge Handbook of Nationalism..., 2024). Тем не менее, с точки зрения Шторма, и эти книги страдают от недостатков, изложенных выше.

Стремясь преодолеть слабые места исследований, Шторм предлагает новый взгляд на происхождение и развитие национализма, рассматривая его как глобальный исторический процесс, оказавший структурное воздействие на общество в целом. В качестве методологической основы Шторм предлагает параллельное исследование распространения националистических идей, преимущественно основанных на этническом принципе, и утверждения модели национального государства, опирающейся на демос. Тем самым он предлагает показать, каким образом люди становились восприимчивыми к националистическому посланию и как они выстраивали отношения с национальным государством. Указанную цель предлагается достичь через анализ четырех тем: (1) создание новых национальных государств, (2) значение и достижения феномена гражданства, (3) влияние национализма на культурную сферу и (4) национализация физического окружения человека (Storm, 2024: 21).

Указанные четыре темы исследуются в восьми главах, покрывающих исторический период с 1775 г. (года рождения Соединенных Штатов Америки) до настоящего времени.

Первая глава «Ранние концепции нации» посвящена изучению того, как до появления современного национализма складывались идеи о нации, народе и коллективной принадлежности. Шторм констатирует, что представления о «нации» существовали до Нового времени, но отличались от современного понимания национальной идентичности. В то время как современное понимание национальной идентичности связывает национальную общность преимущественно с государством, в предыдущие исторические эпохи люди мыслили общность совместно не только с государством, но и с происхождением, языком, религией, территорией, обычаями и культурной памятью.

В данном случае Шторм выступает классическим модернистом, относя появление национальных государств и гражданства к концу XVIII в. — вслед за Энтони Смитом, Эрнстом Геллнером и Эриком Хобсбаумом. Но,

в отличие от Геллнера, которого укоряли за излишнюю абстрактность концепции, и Хобсбаума с его волонтаристской теорией нации, Шторм обращает внимание на наличие, начиная с позднего Средневековья, у европейцев четкого представления о существовании разных народов, чья идентичность могла связываться как с культурными, так и с политическими общностями. Причем первые, формирующиеся на основе религиозных и социальных различий, играли более значимую роль.

Однако в наиболее урбанизированных и экономически развитых регионах Западной Европы постепенно складывалась более «национальная» культура, ориентированная на коммерческий рынок и потребителей из среднего класса. Но вплоть до XVIII в., делает вывод Шторм, не существовало понятийного аппарата, позволяющего четко описать происходящие трансформации. Появление терминов «культура» и «цивилизация» больше говорило о единстве европейцев, чем об их различиях, а нации и их политические структуры в тот период еще не воспринимались как тесно взаимосвязанные явления.

Только в XVIII в. возникло представление о нации как сообществе, воплощающемся в определенных политических структурах. Эту трансформацию Шторм связывает с периодом революций — Американской и Французской, а также борьбой латиноамериканских государств за независимость от Испанской империи.

Тому, как это происходила эта трансформация, посвящена вторая глава — «Рождение национального государства, 1775–1815». Шторм акцентирует, что национальное государство, сформировавшееся в период революций, заметно отличалось от современного представления о нем. Для нас термин «национальное государство» сопряжен с привычными, четко фиксированными границами, а также культурным и языковым единством населения. В то время границы национальных государств оставались подвижными, а территории нередко расширялись без учета культурных и языковых различий. Кроме того, национальное государство периода своего рождения отнюдь не было эгалитарным, как не было эгалитарным и предоставляемое им гражданство.

Люди, которые считались лишенными цивилизации, то есть не обладающими полностью независимым, рациональным умом, — такие как женщины, дети, люди с умственными отклонениями, рабы, люди африканского происхождения и большинство коренных американцев, — были исключены из политического участия, а иногда даже из пассивного гражданства (Storm, 2024: 88).

В то же время иностранцы зачастую могли сравнительно легко получить гражданство национальных государств. Причина этого, согласно Шторму, кроется в том, что новые нации еще не имели четко выраженного культурного содержания. Их культурная жизнь сохраняла космополитический характер, а главным ориентиром по-прежнему служила классическая античность. Но с возникновением новых национальных культурных учреждений были предприняты первые попытки определить национальное наследие и сформировать культурный канон. Однако художественные вкусы в риторике, литературе, живописи, моде и архитектуре по-прежнему находились под влиянием неоклассицизма — универсального художественного направления того времени.

Ситуация изменилась с появлением нового направления в культуре — романтизма. Период расцвета романтизма и новации, которые внес романтизм в практику национальных государств, рассматриваются в третьей главе «Романтический национализм, 1815–1848». Важнейшей новацией стало проникновение национализма в культурную жизнь европейских наций. История, язык и фольклор стали основными предметами изучения и все чаще рассматривались через призму национального подхода. Художники, писатели и композиторы начали активно включать национальные мотивы в живопись, баллады, романы и песни, которые получали широкое распространение.

Результатом стал распад относительно целостной западной культуры XVIII в. на отдельные национальные культуры, определяемые прежде всего языком и обладавшие собственными характерными чертами. Появилось представление о национальном наследии, которое находило воплощение в национальных памятниках, музеях и театрах. Носителями национального сознания стали слои образованной городской буржуазии, которые все более активно стали предъявлять требования к политической власти.

Национализация европейских государств и европейских культур завершилась только в следующем историческом периоде, который Шторм назвал «Периодом нацистроительства» и рассмотрению которого посвящена четвертая глава «Нацистроительство, 1848–1885». В этот период активно происходила национализация культурной сферы, что способствовало закреплению идеи нации в сознании образованных слоев общества по всему миру. Началась национализация окружающего пространства. Активно возводились новые монументы и статуи, появлялись улицы, чьи названия имели определенные национальные коннотации, и т. д. Наконец, появилось такое явление, как национальные парки,

подчеркивавшие уникальность и исключительность природных ландшафтов отдельных стран.

В указанный период происходила и унификация национальных идентичностей. Но, как указал Шторм, «национальные идентичности [становились] все более единообразными и однородными» (Storm, 2024: 179). Этому способствовала ограниченность тех путей развития, которые могли выбрать для себя государства. Фактически их было три — националистический отказ от любых внешних влияний, авторитарные реформы или широкая вестернизация. Большинство государств выбрало путь авторитарных реформ. Лишь Австрия и Япония приняли более полный набор изменений, включавший юридическое равенство, конституционное устройство и участие населения в политической жизни. Путь авторитарного реформирования консервировал традицию отстранения от участия в политической жизни женщин, а также групп, считавшихся «нецивилизованными», включая жителей колоний, коренные народы и цветное население. При этом, поскольку все больше людей получали доступ к печатной прессе и современному образованию, национальное самосознание населения укреплялось и распространялось. Это не могло не вызвать политические последствия, анализу которых посвящена пятая глава.

В пятой главе «Националистическая радикализация, 1885–1914» Шторм обращает внимание на проникновение национализма в повседневную жизнь людей и преодоление парадокса предыдущего периода, когда нации становились все более похожи друг на друга. Национализация сельской местности и домашнего пространства, которая происходила главным образом через представление разнообразных локальных традиций — кулинарных рецептов, ремесел, архитектурных особенностей — как важных составляющих национального наследия, сформировала представление о важности национальных различий. Параллельно национальные государства стремились укрепить связь населения с государством через социальные реформы, включая медицинское страхование и пенсии по старости.

Одновременно, констатирует Шторм, шли процессы утраты лояльности традиционными империями. Россия, Османская империя, Китай и Персия были вынуждены заимствовать отдельные элементы модели национального государства, однако сталкивались с серьезными трудностями в поддержании политической устойчивости. Многие национальные государства включились в имперское соперничество, захватывая

колонии в Африке и Тихоокеанском регионе и превращаясь в национализирующие империи. Все эти изменения во многом поставили под сомнение прежнюю очевидность существующего международного порядка и способствовали формированию предпосылок для масштабных катастрофических конфликтов последующих десятилетий.

В шестой главе «Столкновение крайностей, 1914–1945» рассматриваются особенности политической и культурной жизни европейских и неевропейских обществ сквозь призму распространения национализма в период *Interbellum*. Штурм констатирует в указанный период кризис либеральной модели национального государства и триумф авторитарных тенденций, которым отдавали предпочтение коммунистические, фашистские и корпоративистские режимы, ориентированные не столько на расширение прав нации, сколько на усиление государственной власти. Это вело к тому, что для многих людей по всему миру положение в сфере правовой защиты ухудшилось. Женщины во многих странах все еще не имели избирательных прав, а их эмансипация встречала активное сопротивление со стороны различных режимов. В большинстве новых национальных государств меньшинства подвергались давлению и принуждались к ассимиляции. Подобные процессы нередко в еще более жестких формах затрагивали коренные народы Северной Америки, Австралии и Японии. В некоторых случаях применялись евгенические практики, направленные на ограничение воспроизводства групп, считавшихся «нежелательными». В период Первой и Второй мировых войн такие исключительные тенденции привели к насильственным переселениям, этническим чисткам и геноцидам.

В искусстве, науке, материальной среде националистический взгляд на окружающую действительность в данный период доминировал. Большинство ученых и деятелей искусства по-прежнему воспринимали национальную перспективу как естественную основу. Важную роль сохраняли расовые представления, географический детерминизм, что вело к исключению этнически «чужих» групп из национального сообщества. Тогда же появились многочисленные военные мемориалы, которые напоминали обществу о жертвах миллионов простых солдат. Национальным значением наделялись живописные ландшафты, вновь освоенные территории, а также растения, животные, еда и напитки. Особым вниманием пользовался спорт, который продвигался как инструмент укрепления национального единства, мобилизации патриотических чувств и достижения международного признания.

Разгром нацистской Германии и завершение Второй мировой войны стали подлинным историческим рубежом в восприятии национализма и его распространении. Радикальный национализм и исключаящие расовые доктрины были дискредитированы и отвергнуты, поскольку ассоциировались с агрессивными войнами, а также с геноцидной политикой нацистского режима и его союзников.

В седьмой главе «Модернизация национальных государств, 1945–1979» рассматривается период, когда национализм все теснее связывался с институтом национального государства и постепенно приобретал повседневный, «банальный» характер: национальная принадлежность стала ассоциироваться с такими обыденными объектами, как автомобили, а проявления национального соперничества все чаще переносились в сферу массовых и символических событий — международных спортивных соревнований и конкурсов красоты.

После Второй мировой войны национализм стал менее заметным внешне, но национальное государство окончательно утвердилось как главная и «естественная» форма международного порядка. К концу 1970-х гг. мир почти полностью состоял из независимых национальных государств с признанными и в основном неприкосновенными границами.

Национальное государство все глубже проникало в повседневную жизнь. Расширялись избирательные права, ослабевали расовая сегрегация и старые модели гражданства, а государства все активнее занимались экономическим развитием, социальной политикой и контролем общества. Образование, радио и телевидение усиливали национальную идентичность и распространение стандартизированных национальных языков. В науке национальное государство стало основной единицей анализа. Исследователи чаще опирались на эмпирические данные и идеи модернизации, но при этом нередко игнорировали транснациональные связи и внутреннее культурное разнообразие. В культуре национальная рамка тоже сохраняла значение. Даже универсальные модернистские направления часто описывались через национальную принадлежность авторов, а массовая культура — кино, музыка, комиксы — представляла мир как естественным образом разделенный на национальные государства.

Послевоенная модернизация сделала города, туризм, архитектуру и сельское хозяйство более однотипными и функциональными. Однако в быту, кухне, одежде и особенно спорте национальные различия сохранялись и усиливались. Международные спортивные соревнования, транслируемые по радио и телевидению, стали одним из главных

способов мирного выражения национальных эмоций и укрепляли представление о мире как системе независимых национальных государств.

Казалось бы, национализм полностью «банализировался», превратившись из ярко выраженной идеологической доктрины в повседневный, почти незаметный фон общественной жизни. Однако в конце 1970-х гг. ситуация меняется. Этой теме посвящена восьмая глава исследования — «Неолиберализм и политика идентичности, с 1979 года по настоящее время».

Эрик Шторм констатирует, что вопрос о национализме с конца 1970-х гг. постепенно усиливался, чему способствовало распространение идеологии неолиберализма, которая вытесняла экономику и модернизацию из центра политических дискуссий в пользу вопросов идентичности. Результатом стала общественная поляризация из-за акцента на этничности, культуре и религии.

Общественной поляризации способствовала децентрализация власти, которая началась еще в 1970-е гг. В тот момент ее поддерживали как средство преодоления экономической отсталости, а также как способ защиты регионов с выраженной культурной и исторической самобытностью, таких как Квебек, Фландрия, Каталония, Уэльс и Шотландия. Однако в конце 1980–1990-х гг. децентрализация обернулась этническими конфликтами, преимущественно между близкими друг другу сообществами, как в Восточной Европе, так и в Африке.

В 2000-е гг. риторика идентичности была заимствована у неолибералов авторитарными режимами и правыми популистскими движениями, которые использовали ее для популяризации идеи якобы находящихся под угрозой идентичности большинства, семьи, религиозных ценностей.

Шторм обращает внимание на двойственное положение национализма. С одной стороны, из-за усиления политической поляризации и роста шовинистических настроений, чему способствует развитие коммерческого телевидения, разговорного радио и, прежде всего, социальных сетей, он усиливается. С другой стороны, национальные государства и национальные культуры более не являются уникальными, замкнутыми и изолированными образованиями. Напротив, они выступают как социальные конструкции с подвижными и проницаемыми границами, включенные в глобальные социальные и культурные сети. Следствием последнего становится распространение отношения к национальным идентичностям как в игре. Игре, в которой государства конкурируют друг с другом, демонстрируя эффектные архитектурные объекты с размытыми отсылками к культурному или природному наследию,

а болельщики на международных матчах охотно надевают необычные костюмы, добродушно обыгрывающие национальные стереотипы.

Это ставит вопрос, который Шторм формулирует, но на который не отвечает: «Подразумевает ли эта игривость на самом деле ироничную отстраненность, или же она способствует натурализации национальной идентичности?» (Storm, 2024: 437).

В целом книга Эрика Шторма представляет собой масштабную и амбициозную попытку написать глобальную историю национализма, избежав как узко-европейской перспективы, так и редукции национализма к деятельности политических движений и идеологов. Одним из главных достоинств работы является стремление показать национализм не только как политическую доктрину, но и как комплексный процесс трансформации социальных институтов, культурных практик, материального пространства и повседневных форм коллективной самоидентификации. В этом отношении Шторм убедительно демонстрирует, что национализм невозможно понять исключительно через историю национальных государств или националистических партий: он проявляется также в музеях, школах, памятниках, ландшафтах, спорте, массовой культуре, архитектуре и бытовых практиках.

Особую ценность представляет предложенная автором глобальная рамка анализа. Шторм последовательно показывает, что национализм не был простым продуктом западного модерна, механически перенесенным в остальные регионы мира. Напротив, он развивался через сложное взаимодействие локальных условий, имперских структур, процессов модернизации, культурных заимствований и политических трансформаций. Такой подход позволяет уйти от линейной схемы распространения национализма «с Запада на Восток» и рассматривать его как исторически изменчивый, но при этом действительно мировой феномен.

Вместе с тем именно масштабность замысла определяет слабые стороны книги. Стремясь охватить более двух столетий мировой истории и множество региональных контекстов, Эрик Шторм неизбежно вынужден прибегать к обобщениям, которые не всегда позволяют в полной мере раскрыть специфику отдельных случаев. Кроме того, несмотря на декларируемое стремление преодолеть методологический национализм, сама логика изложения во многом сохраняет привязку к национальному государству как основной единице анализа. Это не обесценивает предложенную автором перспективу, но показывает внутреннее напряжение его исследовательской программы — описать национализм как

транснациональный и глобальный процесс, не упустив при этом из виду институциональную центральность национального государства.

Не менее важно и то, что книга Шторма оставляет открытым вопрос о современном состоянии национализма. Автор убедительно показывает, как национализм в XX в. постепенно утратил прежнюю идеологическую очевидность и все глубже укоренился в повседневных практиках, став частью привычного социального фона. Однако финальный вопрос о том, означает ли современная «игровая» форма национальной идентичности ироническую дистанцию или, напротив, способствует еще более глубокой натурализации национального воображения, остается без ответа. Возможно, именно эта незавершенность является достоинством книги: она фиксирует неопределенность нынешнего момента, в котором национализм одновременно кажется и ослабленным, и по-прежнему чрезвычайно устойчивым.

Таким образом, книгу «Национализм: мировая история» можно рассматривать как одну из наиболее значимых современных попыток переосмыслить историю национализма в глобальной перспективе. Работа Шторма будет полезна не только специалистам по истории национализма, но и исследователям модерна, империй, культурной истории, исторической социологии и политической идентичности. Ее главный вклад заключается в том, что она показывает национализм не как исключительное или временное отклонение, а как одну из базовых структур современного мира — настолько привычную и повседневную, что ее присутствие часто становится заметным только тогда, когда она вновь приобретает конфликтный или мобилизационный характер. Именно поэтому работа Шторма заслуживает внимательного прочтения и обсуждения: она не только подводит итоги более чем двухвековой истории национализма, но и ставит вопрос о том, насколько глубоко национальная рамка продолжает определять наше восприятие социальной реальности сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

- Billing M.* Banal Nationalism. — London : SAGE Publication, 1995.
- Everyday Nationalism in the Modern World / ed. by M. Skey, M. Antonsich. — London, New York : Routledge, 2024.
- Gat A.* Nations : The Long History and Deep Roots of Political Ethnicity and Nationalism. — Cambridge : Cambridge University Press, 2013.

Nationalism and Ethnosymbolism : History, Culture and Ethnicity in the Formation of Nations / ed. by A. S. Leoussi, S. Grosby. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2024.

Storm M. Nationalism : A World History. — Princeton : Princeton University Press, 2024.

The Routledge Handbook of Nationalism in East and Southeast Asia / ed. by L. Zhouxiang. — London, New York : Routledge, 2024.

Arshin, K. V. 2026. "Natsionalizm kak mirovoy fenomen [Nationalism as a World Phenomenon]: retsenziya na knigu Erika Shtorma o privychnosti natsionalizma [A Review of Eric Storm's Book on Habitualness of Nationalism]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 10 (2), 345–356.

KONSTANTIN ARSHIN

PHD IN PHILOSOPHY

ASSOCIATE PROFESSOR

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION
(MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-3172-5763

NATIONALISM AS A WORLD PHENOMENON

A REVIEW OF ERIC STORM'S BOOK ON HABITUALNESS OF NATIONALISM

STORM, M. 2024. *NATIONALISM: A WORLD HISTORY*. PRINCETON: PRINCETON UNIVERSITY PRESS

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-2-345-356.

REFERENCES

Billing, M. 1995. *Banal Nationalism*. London: SAGE Publication.

Gat, A. 2013. *Nations: The Long History and Deep Roots of Political Ethnicity and Nationalism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Leoussi, A. S., and S. Grosby, eds. 2024. *Nationalism and Ethnosymbolism: History, Culture and Ethnicity in the Formation of Nations*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Skey, M., and M. Antonsich, eds. 2024. *Everyday Nationalism in the Modern World*. London and New York: Routledge.

Storm, M. 2024. *Nationalism: A World History*. Princeton: Princeton University Press.

Zhouxiang, L., ed. 2024. *The Routledge Handbook of Nationalism in East and Southeast Asia*. London and New York: Routledge.